

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН

Ксения Данилова и Ирина Максимкина: «Можно с вами подружиться?»

В роли Фёдора Фёдоровича — Олег Шапков, который на протяжении всего прошедшего театрального сезона радовал пермяков то номинацией на «Золотую маску» за музыкальную роль в ивановском «Географе...», то мини-гастролями нижегородского театрика «Зоопарк». «Чужой ребёнок» продолжил череду приятных впечатлений: чувство юмора Шапкова не подвело, его прохиндей Прибылёв получил слегка стесняющимся своего прохиндейства, но неискривимым.

Если продолжить говорить о хорошо имитированных акцентах, то нельзя не вспомнить главную, наверное, актёрскую удачу этой постановки — кавказца Яшу в исполнении Михаила Орлова. Орлов традиционно воспринимается как пермский гопник из спектаклей Сцены-Молота, а Яша по тексту пьесы — красивый, остроумный горец. Но Гурфинкель сквозь внешность мужичонки в трениках разглядел в актёре прямотаки жгучую харизму и темперамент, а Орлов смог их достойно выразить, придав заодно своему Яше милое и очень комичное простодушие.

Великолепен дуэт Орлова с талантливой Ксенией Даниловой, играющей ещё одну подругу Мани — натурально беременную Раю. Они то лезгинку спляшут,

то картину Пирсманы сымитируют. Зал над Орловым угорал, а овацию устроил ему покруче, чем главным героям.

Заранее понятно, что пара заслуженных артистов России Елены Старостиной и Олега Выходова, играющих родителей Мани, плохо свою работу не сделает. Их герои напоминают чеховских персонажей, этих людей из прошлого, над «вишнёвым садом» которых то и дело нависают угрозы. В этом есть что-то очень важное и щемящее, напоминающее о том, что неудержимый порыв энтузиастов к преображению мира непременно уничтожает что-то прекрасное. Согласитесь, было бы странно, если бы Гурфинкель однозначно восхищался советским прошлым, не намекая, пусть даже столь тонко, на его противоречивость.

Наконец, завершая разговор о характерных персонажах, нельзя не упомянуть трогательного Алексея Каракулова в роли несчастливого Маниного ухажёра Сенечки Перчаткина. Его трагикомично вздёрнутые брови домиком наводят на мысль о том, что он вот-вот взмахнёт, словно крылом, длинным рукавом Пьеро и улетит куда-то... Наверное, в светлое будущее, ведь Сенечка Гурфинкель доверил важнейшую для этого спектакля функцию — он сделал его Советским Мечтателем.

В финале спектакля Каракулов запускает в речку пенопластовый ледокол «Красин», и это не только дань славному времени мечтаний и свершений, о котором с такой любовью рассказывает Гурфинкель, но и лирический момент: точно так же дети пускали пенопластовые кораблики в «речки» на фестивале «Белые ночи-2013», которые стали для самого Гурфинкеля славным прошлым и грустноватым воспоминанием.

Вода на сцене — настоящая, и в неё периодически падают персонажи спектакля, обдавая первые ряды настоящими фонтанами брызг, по слуху чего зрителям даже снабдили полиэтиленовой плёнкой, чтобы укрывались.

Прохладным душем изdevательства над первым рядом не ограничились: периодически меланхолик Сенечка делает угрожающие движения по направлению к «речке», порываясь утопиться от неразделённой любви, и зрители судорожно натягивают спасительную плёнку — а Сенечка передумывает.

Главные герои, как и следовало ожидать, не столь ярки, как характерные. Это печальный удел всех лирических персонажей, даже из комедии Семёна Фарина в роли Костика — пожалуй, наименее яркое впечатление в этой постановке. Что же касается Ирины Максимкиной в роли

Мани, то ей на удивление веришь — на сцене натуральная пигалица с косичками, не подумаешь, что играет её мать троих детей. Но всё же прорывается сдержанность и опытность умной и взрослой Максимкиной, не давая ей окончательно раствориться в героине — простодушной, наивной и, прямо скажем, глуповатой.

Об этом спектакле можно писать очень много и с удовольствием — столько постановщики напридумывали интересного. Есть ведь ещё и чудесные танцы (хореография Татьяны Безменовой), уморительные пасодобли и танго, исполняемые то тремя подругами, то тремя соперниками-воздыхателями герояни. Есть замечательные стильные декорации, несущие немалую смысловую нагрузку.

В заключение спектакля, перед финальными титрами на экране, берёзы из подмосковной рощи превращаются в советские ракеты и улетают в космос, окончательно растворяясь в российской природе и народной мифологии социалистическую утопию, точнее, современное идеализированное представление о ней. Впрочем, на премьере этим сценическое действие не завершилось: актёры с воплями сбросили в «речку» вышедшего на поклоны Гурфинкеля, устроив ему тем самым «крещение» в новом качестве главного режиссёра Театра-Театра. ■